

ЛЕКЦИЯ 8

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ 20 ВЕКА

План

1. Лингвистический структурализм
 - a. Пражский лингвистический кружок
 - b. Глоссемантика
 - c. Дескриптивная лингвистика
2. Концепция лингвистической относительности Сепира-Уорфа
3. Генеративное (порождающее) языкознание

Лингвистический структурализм

На рубеже 19—20 вв. многих языковедов перестали удовлетворять преимущественно историко-генетическая ориентация подавляющего большинства лингвистических исследований и пренебрежение к современному состоянию языка, поэтому приоритет синхронического анализа языка. Складывается структурное направление в языкознании, в котором язык начинает рассматриваться прежде всего как одна из знаковых систем, и на его исследование распространяется семиологический / семиотический принцип, требующий учитывать при анализе каждого из элементов знаковой системы те его признаки, благодаря которым он оказывается дифференцирован от всех других элементов данной системы и сохраняет тождество самому себе во всех его индивидуальных реализациях, во всех возможных вариантах.

Язык сводится в большей или меньшей степени к структуре, т.е. сети отношений между её элементами. Объявляется зависимость языкового элемента от системы в целом, от его места по отношению к другим элементам и к языковому целому. Благодаря структурализму в языкознание стали проникать математические методы исследования.

В 20—40-х гг. складываются основные школы, сыгравшие роль в разработке принципов и методов структурной лингвистики. (Пражская, Копенгагенская, американская.), а также близкие к ним Ленинградская фонологическая школа и Московская фонологическая школа.

На первом этапе развития структурной лингвистики (с 20-х до 50-х гг.) отмечаются такие особенности, как

- повышенное и в некоторых концепциях исключительное внимание к структуре плана выражения как более доступной строгому описанию и забвение содержательной стороны языка;
- преувеличение роли отношений между единицами языка и игнорирование природы самих единиц;
- слишком “статичное” представление системы языка;
- игнорирование роли социальных и психологических факторов в функционировании и варьировании языка.

Второй этап развития лингвистического структурализма (с 50-х до 70-х гг.) характеризуют такие черты,

- как поворот к изучению содержательной стороны и к динамическим моделям языка;
- формирование метода трансформационного анализа в грамматике;
- развитие теории поля и метода компонентного анализа в лексикологии и грамматике;
- построение парадигм предложения и установление инвентаря инвариантных схем предложения;
- семантическое моделирование предложения;
- распространение структурных методов на исследования по лингвистике текста, включая его грамматические и семантические свойства;

- широкое применение структурных методов в сравнительно-историческом языкознании. В 70-х гг. структурное языкознание растворилось в новых лингвистических направлениях, “передав” им свой концептуальный аппарат и свои исследовательские методы.

Пражский лингвистический кружок

Пражская лингвистическая школа является одним из основных направлений структурной лингвистики; Пражский лингвистический кружок (ПЛК) был создан в 1926 г. и распался в 50-е годы XX в. Его членами были не только чешские ученые (В. Матезиус, Б. Трнка, Б. Гавранек, Й. Вахек), но и известные русские языковеды (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, С.О. Карцевский). Их основная идея – представление о языке как о функциональной системе, то есть как о системе средств выражения, служащей какой-то определенной цели. Представители ПЛК.,

- критикуя Соссюра, отстаивали системность языка не только в синхронии, но и в диахронии.
- С наибольшей полнотой и последовательностью структурно-функциональная концепция ПЛК была воплощена в исследованиях звуковой стороны языка (был обоснован новый раздел науки о языке – фонология); синтаксиса – учение об актуальном членении предложения.

Среди других школ структурализма для пражцев было характерно максимально широкое понимание объекта лингвистики.

- Строго придерживаясь структурного подхода к языку, пражцы стремились изучать его всесторонне, не отказываясь ни от семантики, ни от истории языка, ни даже в значительной степени от внешелингвистической проблематики.

В. Скаличка выделяет три основные проблемы языкознания: 1. Отношение языка к внешнеязыковой действительности. 2. Отношение языка к другим языкам. 3. Отношение языка к его частям.

- Широкий подход к объекту изучения виден уже в первом программном документе пражцев – «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929). Здесь в первую очередь выдвинуты два основных методологических принципа пражцев: функциональный и структурный.
 1. Структурный принцип основывался на идеях Ф. де Соссюра о разграничении языка и речи, синхронии и диахронии, он объединял пражцев с другими направлениями структурализма.
 2. Функциональный принцип, во многом восходящий к И.А. Бодуэну де Куртенэ, был специфичен только для пражцев. В «Тезисах» выделяются и основные функции языка.

Одним из основателей Пражского лингвистического кружка был Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938). Он явился одним из авторов основных положений ПЛК в области фонологии.

Чешский языковед Вилем Матезиус (1882-1945) является самой крупной фигурой в пражской лингвистической школе. Он известен в науке как один из основоположников современных представлений об актуальном членении предложения, однако главной его заслугой является разработка теории «функциональной грамматики». «Функциональной» В. Матезиус называл грамматику, которая исходит из потребностей говорящего.

Глоссемантика

Глоссемантика была детально разработана **Л. Ельмслевым** и другими представителями Копенгагенского лингвистического кружка. Вслед за Ф. де Соссюром

глоссемантики различали в языке «**план выражения**» и «**план содержания**», считали форму основной сущностью языка. Лингвистический анализ в глоссемантике начинается с текста и осуществляется в виде дедуктивного перехода от класса к сегменту и сегменту сегмента, кончая нечленимыми далее элементами.

Язык понимался в глоссемантике как *система знаков, однако отмечалось, что языки не могут описываться как чисто знаковые системы, они «системы фигур, которые могут быть использованы для построения знаков».*

Идеи глоссемантики существенно обогатили теоретическую лингвистики, однако не получили широкого распространения, так как не предложили конкретных процедур и методик, с помощью которых можно было описывать конкретные языки.

Дескриптивная лингвистика

Развитие структурной лингвистики в США имело свои особенности. Американские ученые во многом шли своими путями, независимо от деятельности Ф. де Соссюра и других основателей структурализма в Европе. Тем не менее многое объединяло по своим идеям американских и европейских структуралистов, что часто определялось не взаимовлиянием (хотя позже, особенно с 30-х гг., это также имело место), а общностью развития научного поиска.

Дескриптивная лингвистика сложилась под непосредственным влиянием идей Л. Блумфилда, который занимался описанием индейских языков. При полевом исследовании незнакомых языков, когда значения языковых форм лингвисту неизвестны, для установления и различения единиц языка был необходим формальный критерий – сочетаемость единиц, их место в речи относительно других единиц, получивший название дистрибуции. Блумфилд предложил дескриптивный метод, исключающий ненаучный критерий определения значения языковых форм. Дескриптивная лингвистика не ставила задачи создания общей лингвистической теории, которая объясняла бы явления языка в их взаимосвязи, но разрабатывала методы синхронного описания и моделирования языка.

- Описание языка понималось ими как установление языковой системы, выводимой из текстов и представляющей собой совокупность некоторых единиц и правил их употребления.
- Детально разрабатывались проблемы уровней структуры языка – фонетического, морфемного, лексико-семантического, синтаксического.
- Идеи дескриптивизма получили значительное развитие в американской лингвистике на протяжении более чем четверти века, в довоенные и послевоенные годы. Разрабатывались как общие вопросы, так и конкретные описания языков.
- Ни одно направление структурализма не оставило после себя столько фонологических и грамматических описаний языков мира, как дескриптивизм.

Концепция лингвистической относительности Сепира-Уорфа

Убеждение в том, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка, лежит в основе теории «лингвистической относительности» американских ученых – Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа. Они стремились доказать, что различия между «среднеевропейской» (западной) культурой и иными культурными мирами (в частности, культурой североамериканских индейцев) обусловлены различиями в языках. Лингвистическая теория Сепира-Уорфа основывается на том, что культура того или иного народа формируется под влиянием языка, который используется в данном языковом континууме. Например, в европейских языках некоторое количество вещества нельзя назвать одним словом – нужна двучленная конструкция, где одно слово указывает на количество (форму,местилище), а второе – на само вещество (содержание): стакан воды, ведро воды, лужа воды. Уорф считает, что в данном случае сам язык заставляет говорящих

различать форму и содержание, таким образом навязывая им особое видение мира. По Уорфу, это обусловило такую характерную для западной культуры категорию, как противопоставление формы и содержания. В отличие от «среднеевропейского стандарта», в языке индейцев хопи названия вещества являются вместе с тем и названиями сосудов, вместивших различные формы, в которых эти вещества пребывают; таким образом, двучленной конструкции европейских языков здесь соответствует однословное обозначение. С этим связана неактуальность противопоставления "форма – содержание" в культуре хопи.

В поисках доказательств гипотезы Сепира-Уорфа часто пишут о различиях между языками в членении цветового континуума: в одних языках есть семь основных однословных названий цветов радуги (русский, белорусский), в других – шесть (английский, немецкий), в языке шона (Родезия) – четыре, в языке басса (Либерия) – два. В одном из экспериментов людям, говорящим на шона и на английском предлагалось подбирать названия для различно окрашенных полосок бумаги. Выяснилось, что цвета, имеющие в родном языке однословные обозначения, воспринимаются испытуемыми как чистые, и названия отыскиваются быстрее, чем для цветов, переходных между чистыми красками. Так, для желто-зеленой зоны спектра говорящие на шона подыскивали нужное обозначение быстрее, чем говорящие на английском, поскольку в языке шона имеется однословное обозначение, а носители английского языка были вынуждены составить сложное обозначение – *yelow-green*. Однако такие результаты трудно считать достоверным доказательством зависимости познавательных процессов от лексической структуры языка. В лучшем случае такие опыты подтверждают, что сам язык в определенных случаях облегчает задачи восприятия и познания.

Высказывались и предположения, что зависимость мышления от языка может быть обнаружена скорее в грамматике, чем в лексике, поскольку грамматика – это сфера обязательных значений, достаточно рано известных всем говорящим на этом языке. Так, в языке индейцев навахо глаголы, обозначающие разные виды манипуляций (брать, держать, давать, передавать, перекладывать, перебирать и т.п.) по-разному спрягаются в зависимости от формы объекта действия.

Исследователи пришли к выводу, что язык – это лишь один из нескольких путей, которыми ребенок может постигнуть определенные свойства мира.

Было бы ошибочным предполагать, что американские ученые ставили культуру в непосредственную зависимость от языка. Так, Э. Сепир писал: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают»

«Наиболее отчетливо отражается физическая и социальная среда в словарном составе языка. Полный словарь того или иного языка не без оснований можно рассматривать как комплексный инвентарь всех идей, интересов, занятий, привлекающих внимание данного общества; окажись в нашем распоряжении такой полный тезаурус языка какого-либо племени, мы могли бы составить себе достаточно точное представление о физической среде и основных особенностях культуры людей, говорящих на этом языке. Типичный словарь племени американского побережья, такой, например, как словарь индейцев нутка с его точными обозначениями для множества морских животных, позвоночных и беспозвоночных, можно сравнить со словарем языка рыболовов-басков, живущих на юго-западе Франции и на севере Испании. По контрасту с языками таких «прибрежных» народов можно отметить языки жителей пустынных плато, например южных пайутов в Аризоне, Неваде и Юте. В словарях этих народов мы находим обозначения многочисленных географических особенностей, которые в некоторых случаях кажутся слишком детальными для того, чтобы иметь практическое значение.

Важно отметить, что в сильно специализированных словарях нутка или южных пайутов отражаются не сами по себе фауна или особенности рельефа, а именно заинтересованность людей в этих свойствах среды их обитания. в зависимости от его цвета или от степени созревания...

Если в словаре находят свое отражение основные элементы физической среды, то в еще большей степени это относится к элементам среды социальной. Значительная часть – если не большинство – элементов, составляющих физическую среду, повсеместно распределяется во времени и в пространстве, так что существуют естественные рамки ограничивающие вариативность лексических единиц, поскольку они служат для выражения понятий, отражающих физический мир. Культура же может развиваться в любом направлении и достигать любой степени сложности. Поэтому мы не должны удивляться тому, что словари разных народов, сильно отличающихся по характеру и уровню развития культуры, отражают эти значительные различия. То, что словарь в значительной степени должен отражать уровень развития культуры, становится, таким образом, практически само собой разумеющимся, так как словарь, содержательная сторона языка, всегда выступает в виде набора символов, отражающих культурный фон данного общества» (Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – с. 272-273).

Таким образом, язык и культура взаимозависимы. Э. Сепир следующим образом определяет эту связь: «Поведение людей в примитивной группе с едва различимыми зачатками языка и культуры предопределялось, по-видимому, в достаточно значительной степени групповой психологией, обуславливавшейся частично племенным сознанием, частично физической средой. На основе тех или иных тенденций в этой групповой психологии и подвергались медленным изменениям язык и культура. А раз и язык, и культура непосредственно предопределяются прежде всего фундаментальными факторами племенного сознания и физической среды, то развитие их происходило в известной степени параллельно, то есть явления культурной деятельности получали свое отражение в грамматической системе языка. Иными словами, дело не только в том, что слова служат символами для отдельных элементов культуры – что верно в отношении языка на любой стадии развития общества, - но и в том, что, как мы можем предположить, грамматические категории и процессы сами по себе тоже отражали соответствующие (значимые с точки зрения культуры) типы мысли и деятельности. Таким образом, до некоторой степени верным является представление о том, что на протяжении значительного временного отрезка язык и культура находились в состоянии прямой взаимосвязи и взаимодействия. Но такое состояние не может продолжаться до бесконечности. Вследствие постепенного изменения групповой психологии и физической среды более или менее глубоким изменениям начинают подвергаться формы и содержание как культуры, так и языка. Впрочем, ни язык, ни культура прямым отражением групповой психологии и физических условий, конечно же, не являются; само их существование и преемственность зависят от силы традиций. Поэтому, несмотря на то, что формы цивилизации с течением времени изменяются, существует и консервативная тенденция, сдерживающая такие изменения. Здесь мы подходим к сути занимающей нас проблемы. Элементы культуры в силу того, что они служат более непосредственным нуждам общества и легче осознаются людьми, не только изменяются быстрее, чем элементы языковой системы, но и сама форма организации культуры, определяющая относительную значимость того или иного элемента, постоянно видоизменяется. Элементы языковой системы хоть и могут претерпевать определенные изменения, но изменения эти не ведут к полной перестройке всей системы вследствие подсознательного характера грамматической классификации. Сама по себе грамматическая система склонна оставаться неизменной. Иначе говоря, консервативная тенденция, сдерживающая чрезмерно быстрое развитие, гораздо отчетливее проявляется в отношении формальной основы языка, чем в отношении культуры. Из этого с необходимостью следует, что формы языка с течением времени перестают выполнять функцию символов для соответствующих форм культуры, в этом и заключается основная мысль данной статьи. Другое следствие состоит в том, что формы языка более адекватно отражают состояние прошлых стадий культуры, нежели ее современное состояние. Я не утверждаю тем самым, что на определенном этапе развития

язык и культура оказываются совершенно не связанными друг с другом, просто скорости их изменения различаются столь значительно, что обнаружить эту взаимозависимость становится почти невозможно». (Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – С. 282 -283).

Н. Хомский и генеративисты

В 50-е годы наметился кризис структурной лингвистики, в чем-то сходный с кризисом сравнительно-исторического языкознания в начале XX в. Особенно очевидным он стал в науке США, где господствовал дескриптивизм. Безусловно, расширялся круг исследуемых языков, стали обнаруживаться первые успехи в области автоматизации обработки языковой информации (казавшиеся тогда значительнее, чем они были на самом деле). Однако наметился кризис метода. Детально разработанные процедуры сегментации и дистрибуции бывали полезны на определённых шагах фонологического и морфологического анализа, но для решения других проблем эти процедуры мало что давали, а альтернатив у дескриптивной лингвистики не было.

В такой ситуации, как обычно бывает в подобных случаях, наблюдались две точки зрения. Одна из них признавала закономерность сложившейся ситуации. Впоследствии Н. Хомский в начале книги «Язык и мышление» писал, что и он поначалу так думал: «Будучи студентом, я испытывал чувство тревоги по поводу того факта, что, как казалось, основные проблемы в избранной области были разрешены и единственное, что оставалось, это оттачивать и совершенствовать достаточно ясные технические приемы лингвистического анализа и применять их к более широкому языковому материалу».

Многие лингвисты приходили к выводу о необходимости отойти от догм дескриптивистского подхода. Во главу угла были выдвинуты принципы динамизма, дедуктивного конструктивизма и рационализма (в духе Г. Лейбница и Р. Декарта).

К числу попыток найти ему альтернативу следует относиться Ч. Хоккет и Ю. Найда, разрабатывавшие лингвистику универсалий. З. Харрис начал разрабатывать трансформационный синтаксис, под которым он понимал установление четких правил и отношений между формально разными конструкциями.

Ноам Хомский (Чомски) (р. 1928) был учеником З. Харриса, и первые его работы (по фонологии иврита) выполнялись в рамках дескриптивизма. Затем он вслед за своим учителем начал заниматься проблемой трансформаций и в рамках трансформационной теории выпустил свою первую книгу «Синтаксические структуры» (1957), после которой сразу получил широкую известность в своей стране и за рубежом (русский перевод издан в 1962 г.). Уже в этой работе, где автор еще не до конца вышел за рамки дескриптивизма, проявились принципиально новые идеи. В дальнейшем было принято считать исходной точкой появления генеративной (порождающей) лингвистики именно 1967 г., год выхода в свет «Синтаксических структур».

В грамматику был введен трансформационный уровень (трансформационная порождающая грамматика), на котором совершаются обязательные и факультативные операции преобразования (на основе достаточно ограниченного набора трансформационных правил) над ядерными предложениями.

Принципиально новым было даже не столько обращение к проблемам синтаксиса, второстепенным для большинства дескриптивистов, сколько отход от сосредоточения на процедурах описания языка, выдвижение на первый план проблемы построения общей теории. Как уже говорилось, дескриптивисты считали языковые системы с трудом поддающимися общим правилам, универсален для них прежде всего был метод обнаружения этих систем. Не то у Н. Хомского: «Синтаксис — учение о принципах и способах построения предложений. Целью синтаксического исследования данного языка является построение грамматики, которую можно рассматривать как механизм некоторого рода, порождающий предложения этого языка. Конечным результатом лингвистических исследований должна явиться теория лингвистической структуры, в которой описательные

механизмы конкретных грамматик представлялись и изучались абстрактно, без обращения к конкретным языкам». Начиная с этой ранней работы у Н. Хомского выделяется центральное для него понятие лингвистической теории, объясняющей свойства «языка вообще». Это понятие всегда было основополагающим для ученого, при том что конкретные свойства теории у него сильно менялись на протяжении нескольких десятилетий.

В «Синтаксических структурах» теория понималась еще достаточно узко: «Под языком мы будем понимать множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов. Основная проблема лингвистического анализа языка состоит в том, чтобы отделять грамматически правильные последовательности, которые являются предложениями языка *L*, от грамматически неправильных последовательностей, которые не являются предложениями языка *L*, и исследовать структуру грамматически правильных последовательностей. Грамматика языка *L* представляет собой, таким образом, своего рода механизм, порождающий все грамматически правильные последовательности *L* и не порождающий ни одной грамматически неправильной». Однако при этом уже делается важный шаг, резко удививший концепцию Н. Хомского в сторону от постулатов дескриптивизма: под «грамматически правильными предложениями» понимаются предложения, «приемлемые для природного носителя данного языка». Если для З. Харриса интуиция носителя языка — лишь дополнительный критерий, в принципе нежелательный, но позволяющий сократить время исследования, то Н. Хомский ставит вопрос иначе: «Для целей настоящего рассмотрения мы можем допустить интуитивное знание грамматически правильных предложений английского языка и затем поставить вопрос: какого рода грамматика способна выполнять работу порождения этих предложений эффективным и ясным способом? Мы сталкиваемся, таким образом, с обычной задачей логического анализа некоторого интуитивного понятия, в данном случае — понятия "грамматической правильности в английском языке" и в более широком плане "грамматической правильности" вообще».

Итак, задача грамматики не в процедуре открытия речевых регулярностей, а в моделировании деятельности носителя языка. Важно и сосредоточение Н. Хомского на английском языке, сохранившееся и в последующих его работах и составлявшее резкий контраст со стремлением дескриптивистов к охвату все большего числа «экзотических» языков. Речь шла не об интуитивном знании носителя неизвестного или мало известного исследователю языка, а об интуиции самого исследователя. Снова лингвист объединялся с информантом, и реабилитировалась интроспекция. Впрочем, Н. Хомский исходил из того, что на первом этапе достаточно довольно грубого выделения «определенного числа ясных случаев» несомненных предложений и несомненных «непредложений», а промежуточные случаи должна анализировать сама грамматика. Но так обстояло дело и в традиционной лингвистике при выделении слов, частей речи и т. д. На основе интуиции выделяются несомненные слова, которые делятся на несомненные классы, а затем вводятся критерии, позволяющие анализировать не вполне ясные для интуиции случаи.

В «Синтаксических структурах» Н. Хомский еще исходил из идеи об автономности синтаксиса и его независимости от семантики, следуя за З. Харрисом. Позднее он пересмотрел это положение. Новый этап развития концепции Н. Хомского связан с книгами «Аспекты теории синтаксиса» (1965) и «Язык и мышление» (1968). К 1972 г. обе они были изданы по-русски. Первая книга — последовательное изложение порождающей модели, во второй Н. Хомский, почти не пользуясь формальным аппаратом, рассуждает о содержательной стороне своей теории.

Основная цель теории формулируется в «Аспектах теории синтаксиса» примерно так же, как в более ранней книге: «Работа посвящена синтаксическому компоненту порождающей грамматики, а именно правилам, которые определяют правильно построенные цепочки минимальных синтаксически функционирующих единиц... и

приписывают различного рода структурную информацию как этим цепочкам, так и цепочкам, которые отклоняются от правильности в определенных отношениях». Но при этом Н. Хомский, по-прежнему претендуя на построение модели деятельности реального носителя языка, уточняет свое понимание этой деятельности, вводя важные понятия компетенции (competence) и употреблении (performance).

Н. Хомский указывает: «Лингвистическая теория имеет дело, и первую очередь, с идеальным говорящим - слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык и совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении».

Согласно Н. Хомскому, «принципы, которые задают форму грамматики и которые определяют выбор грамматики соответствующего вида на основе определенных данных, составляют предмет, который мог бы, следуя традиционным терминам, быть назван "универсальной грамматикой". Исследование универсальной грамматики, понимаемой таким образом, — это исследование природы человеческих интеллектуальных способностей... Универсальная грамматика, следовательно, представляет собой объяснительную теорию гораздо более глубокого характера, чем конкретная грамматика, хотя конкретная грамматика некоторого языка может также рассматриваться как объяснительная теория». На основании сказанного выше Н. Хомский сопоставляет задачи лингвистики языка и лингвистики языков. «На практике лингвист всегда занят исследованием как универсальной, так и конкретной грамматики. Когда он строит описательную, конкретную грамматику одним, а не другим способом на основе имеющихся у него данных, он руководствуется, сознательно или нет, определенными допущениями относительно формы грамматики, и эти допущения принадлежат теории универсальной грамматики. И наоборот, формулирование им принципов универсальной грамматики должно быть обосновано изучением их следствий, когда они применяются в конкретных грамматиках. Таким образом, лингвист занимается построением объяснительных теорий на нескольких уровнях, и на каждом уровне существует ясная психологическая интерпретация для его теоретической и описательной работы. На уровне конкретной грамматики он пытается охарактеризовать знание языка, определенную познавательную систему, которая была выработана — причем, конечно, бессознательно — нормальным говорящим - слушающим. На уровне универсальной грамматики он пытается установить определенные общие свойства человеческого интеллекта».

Сам Н. Хомский на всех этапах своей деятельности занимался исключительно построением универсальных грамматик, используя в качестве материала английский язык; вопрос о разграничении универсальных свойств языка и особенностей английского языка его интересовал мало.

Для Хомского неприемлем «воинствующий антипсихологизм», свойственный в 20 - 50-е гг. XX в. не только лингвистике, но и самой психологии, которая вместо мышления изучала поведение человека. По мнению Н. Хомского «это подобно тому, как если бы естественные науки должны были именоваться "науками о снятии показаний с измерительных приборов"».

Поскольку язык — «уникальный человеческий дар», изучать его нужно особым образом, исходя из принципов, выделявшихся еще В. фон Гумбольдтом: «язык в гумбольдтовском смысле» следует определять как «систему, где законы порождения фиксированы и инвариантны, но сфера и специфический способ их применения остаются совершенно неограниченными». В каждой такой грамматике есть особые правила, специфические для конкретного языка, и единые универсальные правила. К числу последних относятся, в частности, «принципы, которые различают глубинную и поверхностную структуру».

Принципы, определяющие владение человека языком, по мнению Н. Хомского, могут быть применимы и к другим областям человеческой жизни от «теории человеческих действий» до мифологии, искусства и т.д. Однако пока это проблемы будущего, не поддающиеся изучению в той степени, в которой поддается ему язык, для которого уже можно строить математические модели.

Н. Хомский связывает проблемы языка с более широкими проблемами человеческого знания, где также центральным является понятие компетенции. В связи с этим он возвращается к сформулированной еще Р. Декартом концепции о врожденности мыслительных структур, в том числе языковой компетенции. Концепция о врожденности познавательных, в частности языковых структур вызвала ожесточенные дискуссии у лингвистов, психологов, философов и многими не была принята. В то же время сам Н. Хомский подчеркивал, что исследование овладения ребенка языком (как и мыслительными структурами в целом) — дело будущего; в настоящее время можно говорить лишь о самых общих принципах и схемах.

Концепция Н. Хомского развивается уже более тридцати лет и испытывает множество изменений и модификаций; по-видимому, этот процесс далеко не завершен. В США работы генеративистского направления, перенявшие не только теоретические идеи, но и особенности формального аппарата Н. Хомского, уже ко второй половине 60-х гг. стали преобладающими. Подобного рода книги и статьи стали в довольно большом количестве появляться и в странах Западной Европы, и в Японии, и в ряде других стран; это в значительной степени привело к нивелировке различий между национальными школами языкознания (тем более что генеративистские работы очень часто пишутся на английском языке независимо от гражданства и родного языка того или иного автора). Такое положение дел во многом сохраняется до настоящего времени.

Однако влияние «хомскианской революции» оказалось еще более значительным и не сводится только к написанию работ в хомскианском духе. Пример — развитие лингвистики в нашей стране. В СССР в силу ряда причин не получили распространения исследования, выполненные непосредственно в рамках модели Н. Хомского. Однако в более широком смысле и здесь можно говорить о становлении генеративизма начиная с 60-х гг. Наиболее заметным ответвлением новой лингвистической парадигмы стала так называемая модель «смысл = текст», разрабатывавшаяся в 60-70-е гг. И.А. Мельчуком и др. В этой модели вовсе не использовался хомскианский формальный аппарат, трактовка многих проблем языка была совершенно независимой от Н. Хомского и других американских генеративистов, в значительном числе случаев создатели модели развивали традиции русской и советской лингвистики. И тем не менее общий подход был именно генеративистским, а не структуралистским.

В ряде случаев генеративизм пересмотрел принципы, на которых основывалась не только структурная лингвистика, но и лингвистике более раннего времени. Еще одна новая черта генеративизма по сравнению с предшествующими парадигмами состоит в переносе центра внимания с фонетики (фонологии) и морфологии, в изучении которых добились наибольших успехов ученые начиная с александрейцев и кончая структуралистами. на синтаксис и семантику, долгое время изученные гораздо слабее.

Литература:

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений. М., 1998;
2. Березин, Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975;
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998]

